

СОХА И МОЛОТ

Вся власть Крестьянам и Рабочим
в лице их Советов.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Распоряжение

Исполнительного Комитета Армейского Совета и Главного Штаба Крестьянской Армии. 12 октября 1919 года.

Ввиду осложнившихся обстоятельств, выдача спиртных напитков, как в городе, так и на фронте, с 8 часов утра, прекращается. Об изложенном доводится до сведения командиров полков и всех Крестьянских учреждений для надлежащего и неуклонного исполнения.

Главно Командующий Крестьянской Армии **Кравченко.**

Помощник Главно-Командующего **Щетинкин.**

Председатель Армейского Совета **Сургулядзе.**

Начальник Главного Штаба **Иванов.**

Секретарь **Скоромкин.**

От монархии до советов

(Продолжение).

Травля власть трудовая интеллигенция, отчасти сознательно поддерживая правую демократию и буржуазию, а отчасти потому, что эта интеллигенция была по недоразумению названа этим именем. Выхоленные сынки и дочери солидных родителей, кроме своих учебников и удовольствий не хотели ничего знать. Им чуждо было горе забитых людей; их развращенным душам не слышны были стоны голодных. Их цель была сделать карьеру, получив бумажку об образовании, и сесть тупеядцами на шею тем, кто проливая кровавый пот, отдавал последнюю копейку из скудного заработка на воспитание этих цивилизованных скотинок. Я не хочу абсолютно обвинять этих культурных уродцев, ибо правительство Романовых заботливо рукою насаждало в учебных заведениях, вместо гражданского воспитания, дагубный для молодежи идиотизм. Но обвинять приходится их за то, что они и до сего времени не понимают своих призывов и назначений. Мне больно, что их мертвые души и до сих пор не пробудились от вечной спячки. Советскую власть травил все крупные и мелкие спекулянты и эти последние Никитинские Лукичи также не понимали целей и задач этой власти и, влача полуголодное существование, они не хотели бросить своего позорного ремесла, заняться честным добыванием средств к жизни. Эти жалкие агенты крупного капитала также не понимали той общественной структуры, благодаря которой им приходилось рыскать, добывая черный кусок хлеба для себя, отда-

вая львиную долю первым, т. е. крупным капиталистам. Пародным правительством были не довольны и жрицы свободной любви—эти жалкие торгашки своим телом и душой, эти калекки мира, сего так же не хотели заняться честным трудом. Для них дороже были плевки и оскорбления пересыщенных хулиганов—молодых богачей и торговых воротил—дряхлых старцев нежели разумная, честная трудовая жизнь. Эти живые разлагающиеся трупы высококого и низкого полета, этот бичь мира и исчадие ада, пошли в ударные батальоны, а затем заразив армию и будучи разогнаны советскими войсками, все время продолжали кричать во всех своих салонных и подпольных грязных дымах о насилии и грабеже большевиков. Все нищие ругали большевиков за то, что они запретили им ходить пресмыкаться выпрашивая кусок хлеба и до омерзительности увижать себя, свой образ разумного существа—человека, свои достоинства человека и гражданина, рожденного жить и наслаждаться благами этой жизни наравне со всеми другими. Они не могли в силу своего ограниченного кругозора и падения понять, что мир—одна семья а люди все братья. Стоит ли долго говорить о всех этих несчастных, когда люди по существу приготовленные номинально для служения государству и благам народа, были заведены на ложный путь. Свобода, полная и разумная свобода не по душе пришла не только людям эксплуатирующим чужой труд, но она не понравилась и всем тем, кому она необходима, как вода, как воздух. Все учреждения архаического покроя учинили усиленный саботаж

Сов. Власти и тем самым затормозили работу этой юной власти. Буржуазия и ее подголоски не дремали. Они вели свою борьбу тайным и явным образом. На Дону выступают против советской власти Корниловы, Каледины и проч. На Урале и Востоке—Дутовы Семеновы и Калмыковы. Все эти ставленники капитала вербуют себе касу и обрушиваются на советы. Большевики став у власти начали вести мирные переговоры и, наконец, был заключен похабный (как его называли) мир в Бресте. Этим миром недовольны были даже сибирские большевики, как например 2 й Всесибирский Съезд вынес постановление не ратифицировать этот мир.—Такое явление было вызвано тем, что согласно мирного договора, демаркационная линия проходила так, что все морские владения России, а равно все международные рынки отходили в пользу Германии и ее союзников. Грозил полная экономическая разруха, но все эти противники мирного договора забыли, что с нашей армией вести дальше войну было невозможно. И если бы мы не согласились на проект нахального ставленника немецкого милитаризма ген. Гофмана, то в силу необходимости пришлось уступить еще больше территории и бросить еще плюс к тому сотни тысяч человеческих жертв. Совет Народных Комиссаров учитывал это, а потому т. Троцкий, видя нахальство немецких генералов, на последнем заседании мирной конференции во всеуслышание сказал вещи слова, что „мы верим в победу международного пролетариата и окончательный мир будем заключать не с Гофманами, а с карлом Либкнехтом.“ На этом же заседании русской делегации было заявлено, что ввиду нахальной диктатуры со стороны немецкого правительства, советская Россия снимает свои войска с фронта и дело мира предоставляется вести всех народов Европы.

Продолжение следует.

П. Петров.

Их порядок и наш безпорядок

Буржуазная печать всюду кричит о безпорядке большевиков и о порядке, который тотят насидеть ее идеологи.

Порядок, вернее, то, что они называют порядком, это девять десятых человечества должны работать для доставления роскоши и наслаждения для удовольствия самых низких страстей горсти бездельников.

Порядок—это лишение девяти десятых трудящегося люда всего того, что составляет необходимые условия нормальной жизни, рационального развития умственных способностей. Свести девять десятых человечества на положение скотов, несмущающих даже думать о радостях, доставляемых человеку наукой, искусством и творчеством. Вот что называют оит «порядком!»

Их порядок—это голод, нищета, ставший нормальными условиями жизни современного общества, это трудящийся люд, умирающий от голода, это треть России, погибающей от дифтерии и тифа, умирающей от неурожая, когда целые эшалоны овсяницы вывозятся за границу. Это заброшенные, не сделанные поля, в то время как у крестьянина нет ни чка земли для обработки.

Это ребенок, прикормленный к фибраке и умирающий от истощения.

Это рабочие сведенные на положение машины. Это призрак в зствших крестьян и рабочих у порога богатства.

Их порядок—это незначительное меньшинство, господствующее над большинством и восхваляющее своих детей так, чтобы они путем хитрости, разврата и избиваний могли, удержаться в своих руках власть и привилегия.

Их порядок—это непрерывная война, человека с человеком, ремесла с ремеслом, нации с нацией.

Это вечный гром пушек, разорение деревень, истребление целых поколений на полях сражения, уничтожение в один миг богатства, накопленных целыми веками тяжелого труда.

Их порядок—это рабство мысли, унижение человека, укрощаемого втюмом и оружием.

Это тысячи ружьков от скуки ти и безпечности хозяев расстреливаемых картечью и преследуемых штыками, как только посмеют они поднять голову.

Их порядок—это потопление в крови парижской коммуны. Это смерть тридцати тысяч мужчин, женщин и детей, расстрелянных граблями расстрелянных погребенных под мостами Парижа... Это удел русской молодежи, заключенной в тюрьмы, погребенной в снегах Сибири, умирающей от рук полицаи!

Вот что называется «порядком!»

А что такое безпорядок, вернее, то, что они называют безпорядком? Безпорядок—это разрушение гнусного строя, это возстание рабочего люда, разрывающего свои цепи, и идущего к лучшему будущему. Это пробуждение сознания народа, это самое ценное, что есть в истории человечества. Это возмущение мысли накануне бурных потрясений. Это расцвет целого потока новых мыслей и смелых открытий; это решение научных проблем.

Безпорядок—это уничтожение древнего рабства, уничтожение крепостничества. Это возмущение против дуровенства и помещиков, это возстание крестьян, сжигающих дворян, чтобы очистить место для жизни. Это мужичек—крестьянин и рабочий уничтожающие царскую власть и наносящие смертельный удар буржуазии.

Это 1848 год, заставивший содрогнуться корды и провозгласивший право труда; это Парижский барьер, сражающийся за новую идею, умирающий на баррикадах, завещая человечеству идею свободы, указывая ему путь к социальной революции. Безпорядок—это эпоха непрерывной борьбы целых поколений за лучшее будущее человечества. Безпорядок—это расцвет благородных страстей и самоотверженных подвигов, в звышней любви к угнетенному человечеству.

Вот что такое безпорядок.

Рабочий.

Записки заключенного

(Продолжение № 13)

Часов в 12 дня принесли обед, состоящий из мутной воды с плавающими в ней какими то крупинками и остатками мяса. Так как в других камерах получали такой же бульон, то мясо, вероятно, съели кто нибудь другие, только не арестанты.

Во время обеда пред нами предстал человек с рыжими волосами и жульнической физиономией и предложил свои услуги в качестве парикмахера, но не имея на своей физике ничего такого, что бы было достойно бритвы, я отказался. Мои же „друзья“ с удовольствием приняли предложение и хотели назначить время, на что рыжий парикмахер заявил, что к услугам каждого во всякое время. На последованной прогулке, продолжавшейся тоже полчаса, на мое замечание о рыжем парикмахере, знакомые сообщили некоторые данные, на основании которых можно судить, что он является прозакатором в тюрьме. Получивши неизвестно какими путями хорошую бритву и несмотря на то, что по тюремным законам воспрещается арестантам иметь, вообще, что нибудь железное, рыжий парикмахер свободно предлагал всякому побриться.

Так как большинство арестантов только на допросе или суде охвачены „страхом и трепетом“, в тюрьме же они „показывают себя „героями“ и говорят всякому, удостоившему их вниманием, много такого, чего совершенно не делали.

Рыжий парикмахер, пользуясь удобным случаем поговорить во время бритья, со вниманием разспрашивал у бедной овечки его автобиографию (описание собственной жизни.) Получив таким путем всякие данные, рыжий парикмахер сообщал их в контору тюрьмы, куда его частенько вызывали.

До моего прихода он сидел в 5 коридоре, откуда ночью вывели несколько человек политических, которые больше уже не возвращались в тюрьму, хотя в то время санкционированных (утвержденных) властями расстрелов политических заключенных еще не было.

Получив такое предостережение, я сообщил своим друзьям. Через некоторое время приходит и рыжий парикмахер и, страню, не один, а с дежурным по коридору, который начал уже открывать камеру, чтобы выпустить его. Нас это заставило еще более верить подозрениям, так как остальных арестованных не допускалось даже выходить без дела из своей камеры, а тем более в другую, хотя бы за делом. Мои „друзья“ наотрез отказались от прежнего желания браться. Озадаченный нежданностью, он замаялся, забормотал какие-то слова, посмотрел на дежурного и, повернувшись, пошел обратно в свою камеру.

Часа в 4 дня принесли гречневую, не доваренную кашу, которую можно есть только с голодухи.

Через несколько дней узнаем, что во время произведенного итальянцами обыска в женской итальянскому офицеру понравилась заключенная минусинская большевичка Гушик, которую он вызвал на следующий день в контору тюрьмы. Здесь офицер предложил Гушик свою руку и свободу, на что получил, по рассказам, резкий отказ.

Видимо, итальянцы, как и чехо-словаки, могли, по своему усмотрению, карать и миловать.

В конце декабря узнали о готовившемся восстании по всей Сибири против правительства Колчака для восстановления Советской власти. Это сведение получили как раз после подавления Омского восстания рабочих.

Между прочим, после выхода из тюрьмы мне рассказывал мой бывший товарищ по училищу, сторонник „ума и капитала“, военный топограф Владимир Чусов, который видел, как, после подавления Омского восстания, на ст. „Коломязно“ рабочих заставляли раздеваться и в 35 градусный мороз 23 декабря обливали холодной водой, после чего они моментально застывали.

По газетам узнали, что повстанцами в г. Омске были освобождены из тюрьмы все заключенные, которые потом в большинстве были переловлены и расстреляны.

О готовившемся восстании в гор. Красноярске было быстро передано по всем коридорам и камерам и предложено обсудить отношение заключенных к нему. Не имея никаких данных о силах, поднимающих восстание, когда оно будет, и имея ввиду возможность спровозвождения (ложное восстание), большинство политических предложило, в случае захвата тюрьмы, отказаться от выхода из нее. Когда выяснилось отношение к восстанию, политический староста, Я. Боград от лица всех политических заявил администрации, что, в случае захвата кем либо тюрьмы, они не выйдут из нее.

Но восстание почему то не было, хотя мы и напряженно ожидали его.

Через неделю после того узнаем о восстании кр-и в Красноярском, Канском и Ачинском уездах. Эти восстания заставили верить большинство политических, до того относившихся отрицательно к кр-и за поддержку чехо-словаков в свержении Советской власти, в революционную мощь крестьянства. Хотя видимая неорганизованность между всеми уездами несколько интриговала.

Интересно поведение нашего „друга“ психопата Грищенко. В первые дни он вел себя как сумасшедший. То говорил, что его без вины посадили, плакал, то пел революционные слова: „вышли мы из народа“, то опять плакал, то ругал Колчаковское правительство. Через несколько дней он

всем нам надоел до крайности. От него отвернулись и, на всякое его замечание, отвечали молчанием.

Каждый месяц товарищ прокурора посещал подведомственную ему нашу тюрьму. Когда он впервые вошел к нам со свитой, я подумал, что будет суд на месте, т. е. в камере. После его слов: „я, товарищ прокурора, и заведующий тюрьмой,—что имете, заявляйте“, я понял, что это еще новое начальство.

Нужно заметить, что над тюрьмой было целых три начальства: заведующий тюрьмой, начальник тюрьмы и комендант тюрьмы и кто из них был старше—не знаю.

После слов товарища прокурора Грищенко, плача, как ребенок, произносит: „г.-г.-г. про—ку—ку—ку—роо! Я не знаю, за что меня посадили? Я нервный!.. Больной!!“

«Ну, хорошо—запишите его фамилию»,—обращается товарищ прокурора к одному из офицеров своей свиты.

И странно, записавши только фамилию без просьбы по существу, как потом будут разбирать ее.

В середине января нас всех перевели в 5 коридор и тоже в камеру №1, а на наше место посадили новеньких 20 чел., арестованных на Абаканском железном заводе. В новой камере сидели арестованные накануне 7 чел., машинист Томской ж. д. из которых два наших партийных товарища: Казакевич и Былинко, а остальные пять в числе которых Александров, Зимин, Рухлинский, были ирми сторонниками «порядка и спокойствия» и по роковой судьбе попали в один приют вместе с «разрушителями и предателями родины».

Интересно, кто явился „услужливым обывателем“ т. Казакевича. По его словам, на одном спектакле в железно дорожном собрании он разоткровенничался по вопросу о Колчаковском правительстве с одной барышней, которая выдавала себя за большевичку. И вот на допросе ему предъявили обвинением те слова, которые он говорил барышне—провокацию.

Хорош урок для всех мужчин!

Когда на следующее утро является для проверки тот же комендант, Клан с той же длинной палкой и надзирателем, наши «тоже большевики» замешались и, толкая друг друга, кое—как выстроились в две шеренги, только не в затылок друг другу. На все это Клан смотрел злобными глазами и, как сумасшедший, выкатывал бейки, что, как потом сознались, приводило некоторых в «трепет и смятение». Когда все успокоилось, комендант, грозно рявкнул: «штаны те в жатылок!»

Рассказы о культурном проявлении нашего непосредственного начальства, как, например, в одной камере Клан ударил одного политического несколько раз палкой только за то, что тот, стоя в шеренге и нагнувшись, надевал чулок, заставили шкуры наших «тоже большевиков» содрогнуться. Чтобы не попасть под опалу, они выбрали одного за командира и стали упражняться построения в две шеренги. Выстроившись по ранжиру и запомнив каждый свое место, принимали всевозможные положения: кто лежал на нарах, кто читал или писал и т. д. и после команды, быстро все бросали вскакивали и выстраивались. Поупражнявшись таким образом целый день наши «тоже большевики» кое—как научились строиться в две шеренги.

И вот пред таким идиотом Кланом дрожала вся тюрьма и великие интеллигенты как Боград, Маерчак, тоже выстраивались и глазами пожирали начальство!

Г. Вредный.

Театр.

В воскресенье 12 с. октября, в театре волею пожарного общества состоялся спектакль с благотворительной целью. Было поставлено «Песни горя», драма Александра Дрова. Публики было чрезвычайно много, (в особенности пьяной) Сама по себе пьеса была хороша. Автор хорошо прочувствовал психологию фигурирующих в пьесе лиц с классовой точки зрения. Артисты выполнили свои роли удовлетворительно и даже, безпристрастно, можно сказать, что для любителей и в создавшейся обстановке очень недурно. В особенности необходимо отдать должное гр. Мочаловой и гр. Петрову, которые в последних двух дейст-

виях были не подражаемы. Если хорошо можно отозваться о пьесе и игре, то нельзя этого сказать о публике. В частности некоторые наши тов. солдаты вели себя более чем непристойно. Стыдно и жутко вспомнить, что творилось во время спектакля на галлерее и балконе 2 го яруса. В то время, когда при виде трагедии, душа находится в оцепенении, публика смеется и хулиганит. Хоам просвещения где каждый мыслящий человек обретает духовную пищу, превратили в кабак или кошмар, как храм Иерусалимский в дом торжища. С галлерки летели в партере плевки, не говоря уже о том, что благодаря шуму ничего нельзя было слышать в первом действии. Во время антрактов в фойе, среди гуляющей публики, появляются в „дрезину“ (как говорится) тов. солдаты, и своим кривлением и ломанием приводят в ужас и негодование трезвую публику.

Каждый сознательный человек пришел сюда встряхнуться и отдохнуть душой и телом, отдавая, может быть, последние гроши, но эти минуты его досуга были отравлены только потому, что пьяная кучка солдат не хотела ничего знать, кроме своих диких удовольствий, до других ей было никакого дела. Ляшь бы было мне хорошо, а там хоть трава не расти. Говорят, что одного гражданина ударил прикладом солдат нашей армии? Это уж вовсе из рук вон... Тов. Курченко под страхом отправки на фронт заставляет плясать какойто велеумный солдат революционной армии.

Насилие над убеждениями, насилие над мнениями и насилие над желаниями человека и даже целого общества, вот что чувствуется среди нас, революционных солдат. Похоже ли это на свободу? Свобода, разумная свобода, попирается грязными ногами кучки проходчиков, влившись в наши ряды. Снова чувствуется ужасная власть тьмы. Одни жертвуют собою для достижения светлых идеалов и хотят построить разумную жизнь для всего человечества, а горсть негодного элемента в корне подрывает их принципы и репутацию. Точно и мерзко становится после всего виденного и слышанного на спектакле.

Если пьяной компании угодно было развлекаться по своему, то и можно было идти куда нибудь в притон. Там можно хоть на головах ходить или биться об стенку лбом, но ненужно насильство друзей и заставлять их плясать под свою дудку. Не нужно было грязнить священного места, где лучшие люди находят покой своей души и облагораживают свое зачерствелое сердце. Не нужно позорить купели, где мы получаем крещение, выходя в новый разумный свет. Ведь театр это то место, где мы бичуем все недостатки, все шероховатости наши, стоящие на пути к лучшему будущему человечества. Я не обвиняю в этом всех товарищей солдат, ибо большинство из них держало себя прилично, как подобает человеку гражданину, но говорю: да будет стыдно тем, кто делает из театра кабак балаган.

Думаю, что этого товарищи солдаты в следующий раз не позволят себе. Если мы уважаем себя, то нужно уважать и других,—в этом заключается мудрость жизни и наше благополучие. Если мы хотим, чтобы трудовая интеллигенция пришла к нам работать, то не нужно лишать ее самых элементарных прав, не нужно ее учить тому, в чем она больше нас понимает. Нужно всему полезному учиться у ней.

Нужно отбросить все дурное, а учиться хорошему разумному. Если Колчак хочет сделать нас дикарями, то мы сами должны разрывать эти сети тьмы и пробивать себе светлый путь. Посмотрите на Германию и др. европейския государства разве там можно встретить такой хаос в театре? Нет там люди уважают театр, там не позволяют таких диких выходов, а что же делаем мы? Мы ведь хотим быть такими же как наши культурные европейцы и между тем...

П. Петров.

Наказ.

Тальского полка вновь избранным членам в Армейский Совет.

Товарищи! Посылаем Вас в Армейский Совет вершить судьбу не только вашего полка но и всей армии труда с оружием и без оружия. Вы берете на себя такую великую ответственность.

Мы, Ваши товарищи, просим Вас везде и всегда творить правду и справедливость. Мы посылаем Вас туда для того, чтобы Вы нашим именем водворили полный порядок не только в армии, но и на всей территории занятой крестьянской армией: мы просим чтобы у Вас не было ни знакомых, ни близких, ни друзей, ни приятелей—те было бы у вас отдельных полков, а была бы все равны.

Мы все трудящиеся крестьяне и рабочие взяли в руки оружие для того, чтобы построить новую и счастливую жизнь для обездоленного трудового народа, и на нашей обязанности лежит разрушить старый строй и построить новый, стереть с лица земли тех кто будет мешать ведению нашего Нового порядка...

На и нашей обязанности лежит: одеть голод, накормить голодных, дать работу безработным и защитить несправедливо обиженных. Для того, чтобы накормить голодных, одеть голодных и дать работу безработным, мы должны взять в свои руки все достойные буржуазии, ибо оно принадлежит нам, взять все имущество ваших противников, оставив их семьям (если таковые остались—не скрылись от нас) только необходимое для их жизни.

Выше указанное поручаем Вам, и вы от нашего имени творите суд и правду. За неправдивость отвечаете перед народом. Смотрите за всем народным хозяйством, дабы оно не расшаталось, ведите ему учет дабы Вы в любой момент могли дать нам отчет о своей работе.

Приглашайте наших сторонников из трудовой интеллигенции и устраивайте культурно просветительные кружки, собирайте почаще т. солдат устраивайте беседы по разным научным вопросам и вообще стремитесь просветить трудовой народ.

Во всем вышесказанном мы Вам даем полное доверие. Если кто-либо в отдельности будет мешать Вашей работе, обращайтесь к нам—мы Вам поможем...

Пред едатель Полкового Совета Лаврентьев Секретарь Шелев.

1919 го года октября 11 го дн. Г. Миусинск.

Вести с фронта.

14 октября. По всему фронту идут частичные перестрелки, не дающие никаких результатов. Часто также белые посылают к нам свои снаряды из орудий, но эти снаряды не причиняют нам никакого вреда.

Оговорка.

Ввиду заявления со стороны Правления учительского союза относительно помещения в газете статьи „Один из психопатов“, в которой учащие могут увидеть оскорбление всей учительской корпорации, редакция должна оговориться, что в предисловии и послесловии к «знаменитому» стихотворению она имела ввиду одну лишь личность—г. Вороникова, но не всех учащихся. Для редакции безразлично, кто был автор подобной ерунды—типовик, техник, агроном,—но факт тот, что он глуп и при всей своей глупости берется писать стихотворения на политическую тему.

Редакция

ХРОНИКА.

Благодарность. Поступили пожертвования на нужды крестьянской армии от граждан:

1) Средне—Шушенского общества—ржи 47 пуд., овса 19 пуд., картофеля 23 мешка, капусты 10 ковшей, луку 100 шт., пороку 1 1/2 фунт., свинцу 10 ф. и деньгами 752 р. 50 коп., 2) Ижидинского—922 р., 3) Ново Покровского—225 р. 50 к., 4) Субботинского—1692 р. 05 коп., 5) Вознесенского—овса 61 1/2 п., ржи 77 п., картофеля 23 пуд. и деньгами 50 руб.

За сделанные пожертвования Армейский Совет шлет всем жертвователям свое братское спасибо.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Ищу в Минусинске родственника Ивана Говриловича Мамаитова спросить Жоголову, дом Пашеных.

9 октября убежала лошадь с кавалерийским седлом—исбылица масти серой, гриба на левую сторону. Если кто поймает прошу возвратит в 1 й кавалерийский эскадрон Канского полка.

Солдат Иван Кравченко

Редактор—издатель

Редакционный отдел Крестьянской армии.